

ЭМОТИВЫ В РАССКАЗАХ О ВЫНУЖДЕННОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ

Микалаускайте Е.Ю.,

научный руководитель д-р филол. наук Фельде О. В.

Сибирский федеральный университет

На сегодняшнем этапе развития русистики особое внимание уделяется особенностям устной речи различных социальных и локальных групп общества. Во многих научных центрах страны ведётся работа по составлению корпусов звучащей речи, которая впоследствии анализируется в различных аспектах. В записанных собирателями текстах преобладают различного рода нарративы, то есть повествования о пережитом. В многообразии нарративных жанров своей лингвистической информативностью выделяются тексты о переселении. Они позволяют исследовать множество вопросов, связанных с особенностями языкового существования человека; являются ценным источником для исследования фундаментальной проблемы «Язык, речь, эмоции».

В задачи настоящей работы входит анализ средств выражения эмоций в рассказах о вынужденном переселении, записанных в 2012 году в Кежемском районе Красноярского края во время диалектологической практики. Информанты - жители деревень, попавших в зону затопления Богучанской ГЭС. При сборе данных использовался метод структурированного интервью. Рассказы переселенцев из сел и деревень, подвергшихся в 2005 - 2012 гг. «санзачистке», записывались на диктофон или на видеокамеры, а впоследствии транскрибировались. В результате была составлена подборка текстов устной речи, основу которой составляют рассказы преимущественно немолодых людей – коренных ангарцев. Выбор нарративов о вынужденном переселении в качестве источника исследования обусловлен тем, что они содержат богатый материал с точки зрения лингвистики эмоций – новой научной дисциплины, которая в настоящее время активно развивается и нуждается в расширении эмпирической базы. Кроме того, в таких текстах ярко проявляются индивидуальные речевые черты личности – нарративы о вынужденном переселении представляют интерес и с точки зрения лингвистической персонологии.

Прежде чем приступить к анализу лексики, выражающей эмоции человека, важно дать общую характеристику исследуемого материала. С содержательной стороны нарративы можно подразделить на: 1) рассказы о сожжении родного села и / или родного дома; 2) рассказы о перезахоронении родных; 3) воспоминания-сожаления об утраченной родине; 4) рассказы о событиях, предшествовавших переселению. В текстах часто встречаются повторяющиеся сюжетные конструкции, например, сравнение жизни в городе и деревне. Город воспринимается многими рассказчиками как чужое пространство, в котором живется одиноко: «Я была там (в Кежме – прим. собирателя) не одна // я не чувствовала этого одиночества», «Первый год када / первый месяц только приехали я целый месяц плакала». Еще один распространённый сюжет - рассказ о намеренных поджогах («старались жечь там, где живут люди // чтоб быстрее меня выжить // это делалось специально»), а также рассказы об уборке дома перед сжиганием («ведь это каждый старался / чтоб было красиво около своего дома // Ну и все // А потом-то все сожгли / массой»).

Во многих рассказах встречается сравнение происходящего с извлечением дерева из земли. Рассказчики уподобляют человека дереву, которого «оторвали от корней», «выкорчевали», «вырвали с корнем». В финале частотен мотив тоски и ностальгии: «Всё бы бросил это и вернулся бы домой // У меня уже сил нет здесь жить».

Паузы в устных рассказах обычно связаны с подбором нужного слова или необходимостью самокорректирования, но часто они могут нести смысловую нагрузку. В нарративе о переселении мы выделяем паузы, связанные с подбором слова при плохом рационализуемых эмоциях: «если б мне в детстве или когда в юности сказали, что мне такое придётся пережить, я бы вообще // что-то нереальное // а тут прямо столкнулась // эти гробы // Люди, видимо, ко всему привыкают». Также характерны паузы перед информацией, на которой рассказчик хочет сделать особый акцент: «У меня желание было бы пребольшое / допустим остаток дней там прожить какой-то // Но это только мечты». Темп рассказа тоже связывается нами с содержанием. Мы можем наблюдать убыстрение скорости речи в связи с волнением или негодованием рассказчика.

Лексические повторы, как и паузы, служат для акцентирования отдельных значимых частей: «(о доме) Святое...святое... ой / не говори / жутко так всё это», «(о перезахоронении) И в октябре прошлого года прямо думаю / нужно нужно / нужно».

В нарративах о вынужденном переселении высок процент эмоционально-оценочных слов. «и у всех дикая ностальгия, просто дичайшая». Все рассказчики связывают переселение с чем-то «страшным», «невозможным», «жутким», «нереальным». Частотны глаголы, значение которых связано с сильными эмоциями: «плакать», «выть», «реветь» и т.п. («Смотришь / душа сыпется // Вот тут Василия Сибирякова изба стояла / он ее сам спалил // Чтоб чужой не жег // Изба горит, а он плачет). Восхищаясь утраченной красотой, переселенцы высказывают пессимистические прогнозы: «А какая красота // <...> На Ангаре теперь можно крест поставить // Она как река умрёт // Это будет вонючее, грязное болото». Ангара ассоциируется у рассказчиков с живой материей, которой суждено умереть.

В процессе исследования текстов о переселении нами выявлены различные средства передачи человеческих эмоций. Эмотивные смыслы вычлняются на уровне текста, высказывания, слова.

Все эмоции, связанные с основным сюжетом – переселением – выражают исключительно негативную оценку. Однако в части текстов рассказы о встречах с земляками характеризуются положительной оценкой: «Встречи – это очень хорошо», «отогревается душа»

В ходе исследования было установлено, что в рассказах о вынужденном переселении доминируют нарративная и эмотивная функции речи. Многочисленные примеры использования эмотивов и дают представление не только о семантико-стилистических особенностях рассмотренного речевого жанра, но и могут служить средством описания речевых портретов рассказчиков.